

УДК 811.511.142

М. Чепреги

Маркирование агенса инфинитных конструкций в сургутском диалекте хантыйского языка¹

Аннотация. В данной статье рассматриваются стратегии, которые применяются в сургутском диалекте для обозначения агенса инфинитных глагольных форм. Способностью маркировать агенса обладают инфинитные формы, к которым могут присоединяться показатели лица, то есть причастия настоящего и прошедшего времени и отрицательные причастия. В случае инфинитива и деепричастия это невозможно, но и при этом существует способ обозначить агенса, отличный от подлежащего предложения.

Ключевые слова: маркирование агенса, инфинитные конструкции, сургутский диалект, хантыйский язык.

M. Csepregi

Marking the agent of infinite verb forms in the Surgut-Khanty

Abstract. The article deals with the marking the agent of infinite verb forms in the Surgut-Khanty. Participles and negative nonfinites appear in nonfinite attributive and adverbial clauses, among others. As they can bear subject agreement suffixes, their agent is not necessarily coreferential with the subject of the finite clause. These agreement suffixes appear regardless of the grammatical category of the adverbial clause subject. The article follows the functional linguistic approach, and it is based on the analysis of published texts and on work with native speaker informants.

Keywords: agent-marking, non-finite, Surgut dialect, Khanty language.

0.1. В сургутском диалекте хантыйского языка существует пять инфинитных форм глагола: инфинитив с суффиксом =та(хэ), причастие настоящего времени с суффиксом =т=, причастие прошедшего времени с суффиксом =м=, деепричастие с суффиксом =мин и причастие отрицания с суффиксом =лэх. Последней инфинитной формой, которая в современном языке уже не используется, является устаревшее причастие условия с суффиксом =н= [1, 268–285, 288–292; 2, 31–34; 3, 375–376; 4, 312–313; 5].

Наибольшее количество формантов присоединяется к причастиям настоящего и прошедшего времени: это могут быть показатели лица, падежные суффиксы и послелоги. Отрицательные причастия также могут иметь показатели лица и падежные окончания, но их использование намного более ограничено. Деепричастие в роли

сказуемого может принимать только формы числа, а инфинитив не может присоединять никакие суффиксы.

В настоящей статье я исследую вопрос о том, какие стратегии применяются в сургутском диалекте для обозначения агенса инфинитных глагольных форм. Способ обозначения, с одной стороны, зависит от того, о какой инфинитной форме глагола идёт речь и какую роль она выполняет в предложении. С другой стороны, это зависит от того, выражен ли агенса именем существительным или личным местоимением.

0.2. Классификация инфинитных форм глагола по их способности обозначать агенса.

Способностью обозначать агенса обладают инфинитные формы, к которым могут присоединяться показатели лица, то есть причастия настоящего и прошедшего вре-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке грантов Научного фонда Венгрии «ОТКА». Номера проектов: 104249 и 107793. Благодарю моих информантов А.С. Песикову, Л.Н. Каюкову, О.И. Сопочину за их ценную помощь.

мени и отрицательные причастия. В случае инфинитива и деепричастия это невозможно, но, как будет видно позже (см. 5), и при

этом существует способ обозначить агенс, который отличается от подлежащего предложения.

Разряд инфинитивной формы глагола	Способность присоединять показатель лица
инфинитив	–
причастие настоящего и прошедшего времени	+
деепричастие	–
отрицательное причастие	+
условное причастие	+

Причастия настоящего и прошедшего времени могут выступать в качестве четырёх членов предложения: в качестве определения, подлежащего, прямого дополнения или обстоятельства. Некоторые грамматики называют инфинитивные формы, выполняющие последние три функции, не причастиями, а именем действия, но я придерживаюсь термина «причастие». В зависимости от роли инфинитивной формы в предложении, обозначение агенса происходит по-разному.

1. Причастия в роли определения.

Мартин Хаспельмат [6, 153] делит определительные конструкции с причастиями на ориентированные на агенс и ориентированные на пациенс – в зависимости от того, является ли главное слово в конструкции агенсом или пациенсом причастия. В нашем случае это различие имеет место быть еще и потому, что в хантыйском языке причастия не делятся на действительные и страдательные. Залог причастия зависит от значения исходного глагола и его синтаксической позиции. Причастие является действительным, если главное слово определительной конструкции – агенс причастия.

1.1. В типичной конструкции, ориентированной на агенс, причастие образовано

от непереходного глагола²:

1. вёнта йўвэм йоҳ
вёнт=а йўв=эм йоҳ
лес-lat приходить-ptc.pst люди
‘люди, которые пришли в лес (букв.: в лес пришедшие люди)’ [2, 70].

Причастие, образованное от переходных глаголов, также может быть ориентированным на агенс, то есть главным словом определительной конструкции является сам агенс. Причастие при этом может быть настоящего времени:

2. лёв мөқдад павэлтэтэ ның пупи
лёв мөқ=л=ад павэлтэ=тэ ның
пупи
медвежонок-pl-3sg купать-ptc.prs
женщина медведь
‘медведица, которая купает своих медвежат (букв.: её медвежат купающая медведица)’ [7, 64].

Также может использоваться причастие прошедшего времени:

3. айв=дэт пултэм аньэ=м
айв=эт пулт=эм анэ=м
нарта-pl запрячь-ptc.pst отец-1sg
‘мой отец, который запряг нарты (букв.: ‘нарты запрягший мой отец)’.

1.2. Если же главным словом определительной конструкции является пациенс

² При транскрипции примеров применяется усовершенствованная графика хантыйского языка, выработанная в 2014 году. При глоссировании соблюдаются лейпцигские правила (<https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>). Приведенные без указания на источник примеры являются результатом консультаций с хантыйским информантом Людмилой Николаевной Каюковой.

причастия, то причастие считается страдательным. Агнс в таких случаях становится зависимым причастия. Хантыйский относится к языкам, в которых члены, распространяющие причастные конструкции, стоят слева, то есть агнс находится в позиции к причастию:

4. аңэм пултэм әвләт

анэ=м пулт=эм әвл=әт

отец-1sg запрячь-ptc.pst нарта-pl

‘нарты, которые запряг мой отец’ [7, 65].

1.3. Если даже причастие образовано от непереходного глагола, то случается, что главным словом определительной конструкции не обязательно является агнс. Им может быть другое зависимое глагола, например, обстоятельство места. И в этом случае агнс занимает место перед причастием:

5. аңэм сәма питэм пухәл

анэ=м сәм=а пит=эм пухәл

отец-1sg глаз-lat падать-ptc.pst деревня

деревня, где родился мой отец’.

Во всех предыдущих примерах агнс был выражен существительным. Такой агнс не требует никакого согласования с причастием или главным словом определительной конструкции. Если же агнс выражен личным местоимением, то согласование необходимо: к причастию прибавляется показатель лица, соответствующий лицу и числу местоимения:

6. нүң пултәма әвләт

нүң пулт=эм=а әвл=әт

ты запрячь-ptc.pst-2sg нарта-pl

‘нарты, которые ты запряг’.

7. (ма) сәма питмам пухәл

(ма) сәм=а пит=м=ам пухәл

(я) глаз-lat падать-ptc.pst-1sg деревня

‘деревня, где я родился’ [7, 70].

Личное местоимение можно и опустить, значение конструкции от этого не изменится.

1.4. В случае, если агнс выражен личным местоимением, то согласование происходит во всех хантыйских диалектах,

однако западные и восточные диалекты различаются тем, что показатель лица присоединяется к разным членам конструкции. Как было видно выше, в восточных диалектах показатель лица прибавляется к причастию. В западных же диалектах причастие в позиции определения не может присоединять суффиксы, поэтому показатель лица прибавляется к главному слову конструкции, к имени. Взглянем на примеры из разных диалектов:

10. Каз.: Ма катдәм худем пут дипийн хащәс.

Ма катд=эм худ=ем пут дипий=н хащ=әс.

я поймать-ptc.pst рыба-1sg котелок внутренность-loc остаться-pst.3sg

‘Рыба, которую я поймал, осталась в котелке’ [8, 41].

В казымском диалекте личное местоимение используется регулярно, а в сургутском диалекте оно считается излишним, его употребляют лишь в позиции фокуса:

11. Сург.: Катәлмам қуд путнә қың.

Катәл=м=ам қуд пут=нә

қың.

поймать-ptc.pst-1sg рыба котелок-loc остаться-pst.3sg

‘Рыба, которую я поймал, осталась в котелке’ [7, 67].

Стратегия, используемая в восточных диалектах, позволяет говорящему выражаться однозначно, даже когда агнс и обладатель не совпадают. На агнс указывает показатель второго лица единственного числа -а, присоединяющийся к причастию, а на обладателя – притяжательный суффикс первого лица единственного числа -ам, который добавляется к главному слову определительной конструкции:

12. Сург.: Вийнәмтәма кәтам қөв мәрә нәқ әнтә әрхәлхәл.

Вийнәмтә=м=а кәт=ам қөв

мәрә нәқ әнтә әрхәлхәл=л.

порезать-ptc.pst-2sg рука-1sg

долгое время вверх neg заживать-prs.3sg

‘Моя рука, которую ты порезал, долго не заживает’ [7, 68].

В западных диалектах в таких случаях согласование не наблюдается, личное местоимение (которое обязательно должно быть в предложении) указывает на агенса, а притяжательный суффикс на обладателя:

13. Каз.: Наң эвтэм йошэм хув йама ант йил.

Наң эвт=эм йош=эм хув
йам=а ант йи=д.

ты порезать-ptc.pst рука-1sg долг-
гий хороший-lat neg статья-prs.3sg

‘Моя рука, которую ты порезал, долго не заживает’ [8, 44].

1.5. Данное различие между хантыйскими диалектами в научной литературе известно уже давно [9, 57; 10; 11, 77-80]. Несколько лет назад Ката Кубини в одном своём докладе рассмотрела способы согласования в конструкциях с так называемым причастием агента, которые используются в уральских языках [12]. Кубини выделила в уральских языках пять типов согласования. Первый – характерный для восточных диалектов хантыйского языка, когда показатель агенса присоединяется к причастию. Второй тип согласования можно наблюдать в западных диалектах хантыйского языка, когда показатель агенса прибавляется к главному слову словосочетания. К третьему типу относятся конструкции, в которых показатель лица присутствует как в причастию, так и в главном слове конструкции. Четвёртый тип означает, что агенс имеет форму родительного падежа и поэтому согласование отсутствует. В хантыйском языке нет примеров для третьего и четвёртого типа согласования, но для пятого они встречаются: это, по сути, страдательная конструкция, в которой агенс маркирован окончанием местного падежа:

14а. аьэмнэ пултэм әвдэт

анэ=м=нэ пулт=эм әвд=эт
отец-1sg-loc запрячь-ptc.pst

нарта-рl

‘моим отцом запряжённые нарты’

‘нарты, запряжённые моим отцом’ [7, 71].

В некоторых публикациях [8; 13; 14] страдательными считают лишь подобные

конструкции, в которых агенс маркирован. Но, по моему мнению, причастие можно назвать страдательным, если главным словом конструкции является пациенс глагола. Согласно объяснениям моих информантов, носителей сургутского диалекта, в конструкциях с агенсом в именительном падеже акцентируется то, что нарты запряжены, а в конструкциях, где агенс стоит в местном падеже, фокус сосредоточен на агенсе: «Мы подчёркиваем, что запряг их мой отец, а не мама или кто-то другой».

В определительном придаточном предложении, когда порядок слов меняется, использование окончания местного падежа обязательно:

14b. Әвдэт , аьэмнэ пултэм қот пёңәднә лольәт.

Әвд=эт , анэ=м=нэ пулт=эм
қот пёңәд=нә лоль=ль=эт.

нарта-рl отец-1sg-loc запрячь-ptc.pst
дом сторона-loc стоит-prs-3pl

‘Нарты, запряжённые моим отцом, стоят возле дома’ [7, 86].

Агенс в позиции фокуса, стоящий в местном падеже, не требует согласования с причастием, даже если агенс выражен личным местоимением:

15. нүңнә пултэм әвдэт

нүң=нә пулт=эм әвд=эт

ты-loc запрячь-ptc.pst нарта-
рl

‘нарты, запряжённые тобой’.

(16) Манә катдәм қул путнә қынь.

Ма=нә катд=эм қул пут=нә
қып.

я-loc поймать-ptc.pst рыба
котелок-loc остаться-ptc.3sg

‘Рыба, пойманная мной, осталась в котелке’ [7, 71].

16. Другое причастие, которое функционирует в роли определения, – это причастие отрицания. Оно также может быть ориентированным на агенса, то есть являться действительным. Агенс выступает в качестве главного слова конструкции:

17. кōднам қөләнтәдәх ньэврэмхән

кōд=нам қөләнтә=дәх ньэврэм=хән

слово -arg слушать-ptc.neg ребенок -du

‘два непослушных ребёнка’ [15, 30].

В конструкциях, ориентированных на пациенс, то есть в страдательных, отрицательное причастие в роли определения не может присоединять суффиксы, таким образом, оно не может быть маркировано показателем лица. Притяжательное окончание главного слова конструкции указывает и на агенс, то есть здесь действует стратегия, характерная для западных диалектов:

18. сәмнат вулдәх өтэ, пәднат қәлдәх өтэ

сәм=нат вул=ләх өт=э, пәд=нат қәл=ләх өт=э

глаз-сом видеть-ptc.neg вещь-2sg ухо-сом слышать-ptc.neg вещь-2sg

‘то, чего ты глазами не видишь, то, чего ты ушами не слышишь (букв.: глазом не видимая твоя вещь, ухом не слышимая твоя вещь)’ [16, 33].

2. Причастия в роли подлежащего и прямого дополнения.

В определённых предложениях причастие настоящего и прошедшего времени выполняет роль подлежащего и прямого дополнения. Наиболее типичны в этом смысле предложения, в которых сказуемым являются глаголы восприятия (‘видеть’, ‘слышать’, ‘видеться’, ‘слышаться’), но сюда же относятся и подлежащие сказуемых со значением «готово» и «нет». В этих предложениях к причастиям практически всегда – не учитывая некоторых исключений – присоединяется показатель лица, независимо от того, выражен ли агенс существительным или личным местоимением.

2.1. Агенс выражен существительным:

19. Өртэв вихүтад сәһәл!

Өрт=эв вихү=т=ал сәп=әл!

герой-1pl кричать-ptc.prs-3sg слышаться-ptc.prs-3sg

‘Слышится крик нашего предводителя!’ [17, 22].

20. Ма әй ныңәм тәхә дохәтләтад пә әнтәм.

Ма әй ның=әм тәхә дохәтлә=т=ал пә әнтәм.

я одна женщина-1sg сюда навещать-ptc.

prs-3sg pcl neg.pred

‘Моя подруга не навещает меня’ [2, 78].

2.2. Агенс выражен личным местоимением:

21. Лүв огурец ваһһәмәд тәрәм.

Лүв огурец ваһп=м=ал тәрәм.

он/она огурец резать-ptc.pst-3sg готово

‘Он/она нарезал(а) огурец’ [18, 171].

22. Нәңа нүң ма вәртам әнтә вулэ.

Нәңа нүң ма вәр=т=ам

әнтә ву=л=э.

pcl ты я делать-ptc.prs-1sg neg

видеть -prs -2sg

‘Ты что, не видишь, что я работаю’ [19, 124].

2.3. Вероятно, тот факт, что показатель лица иногда присоединяется к причастию и тогда, когда мы не можем связать его ни с каким агенсом, является признаком начинающейся грамматикализации. В этом случае можно предполагать, что показатель лица начинает превращаться в своеобразный суффикс имени действия:

25. Пәлхәднат қәдәл, ну төв йәңкә мөдәхүтад сәһәл.

Пәл=хәд=нат қәд=әл, ну төв

йәңкә=нә мөдәхү=т=ал

ухо-du-сом слышать-ptc.prs-3sg тот

озеро вода-loc шептать-ptc.prs-3sg

сәп=әл.

слышаться-ptc.prs-3sg

‘Ушами слышит, в той озёрной воде какой-то шорох слышится’ [19, 122].

3. Причастия в роли обстоятельственного придаточного предложения.

Для обоих обско-угорских языков характерно, что при присоединении к причастиям настоящего и будущего времени показателей лица, падежного окончания или послелога, обстоятельственные придаточные предложения укорачиваются. Поскольку сравнительные диалектологические исследования по этому вопросу мной не проводились, здесь я коснусь стратегии обозначения агенса в сургутском диалекте хантыйского языка.

3.1. Если агенс выражен личным местоимением или он выясняется лишь из

контекста (предыдущих предложений), то к причастию обязательно должен присоединяться показатель лица:

26. (Лүв) йăқэ йёвэтмада йастэх.

(Лүв) йăқэ йёвэт=м=ад=а
йастэ=х.

он внутрь прибыть-ptc.pst-3sg-lat сказать.pst.3sg

‘После того как он пришёл домой, сказал’.

3.2. Если агенс выражен существительным, то использование показателя лица зависит от того, совпадает ли агенс причастия с подлежащим предложения или нет.

3.2.1. Если агенс причастия совпадает с подлежащим предложения, то употребление показателя лица обязательно:

27. Пинэңкэли йăқэ йёвэтмада йастэх.

Пинэңкэ=ли йăқэ йёвэт=м=ад=а
йастэ=х.

птица-dim внутрь
прибыть -ptc. pst -3sg -lat сказать.pst.3sg

‘После того как птичка пришла домой, сказала’ [2, 66].

Без показателя лица предложение было бы грамматически неверным:

28. * П и н э н к э = л и й а қ э
йёвт=эм=а йастэ=х.

птица-dim внутрь прибыть-ptc.
pst-lat сказать.pst.3sg.

Когда подлежащее одновременно является агенсом причастия, причастие обязательно получает отдельный маркер. Подлежащее находится на одном уровне со сказуемым, а не становится зависимым причастия.

3.2.2. Однако в том случае, если агенс причастия и подлежащее главного предложения не совпадают, использование показателя лица факультативно:

29а. Миша йăқэ лăңэмнэ, Маша кэм
выхэл.

Миша йăқэ лăң=эм=нэ, Маша
кэм выхэл.

Миша внутрь войти-ptc.pst-loc Маша
наружу выйти.pst.3sg.

‘Когда Миша вошёл в дом, Маша вышла’.

29б. Миша йăқэ лăңмаднэ, Маша кэм

выхэл.

Миша йăқэ лăң=м=ад=нэ,

Маша кэм выхэл.

Миша внутрь войти-ptc.pst-3sg-loc

Маша наружу выйти.pst.3sg

‘Когда Миша вошёл в дом, Маша вышла’.

Согласно информанту, возможны оба варианта, но предпочтительнее вариант без показателя лица.

Подобным же образом к причастиям настоящего и будущего времени могут присоединяться и другие падежные суффиксы (окончания исходного, общенаправительного и творительного падежей), а также и послелог. Такие формы выражают не только временные значения, но и заменяют придаточные предложения, выражающие причину, цель, состояние и образ действия. По способу маркирования агенса они идентичны примерам 26–29.

4. Причастие отрицания в роли обстоятельного придаточного предложения

В конструкциях с причастиями отрицания показатели лица и падежный суффикс (местного падежа) могут присоединяться к причастиям лишь во временном значении и только в том случае, когда агенсом является личное местоимение:

30. Ма вёнтнам мэнлэхамнэ, ар дивпэс
линьатэлэм.

Ма вёнт=нам мэн=лэх=ам=нэ,

ар дивпэс липатэ=л=эм.

я лес-арг идти-ptc.neg-1sg-loc
много еда приготовить-prs-1sg.

‘Прежде чем пойти в лес, я готовлю много еды’.

Причастие отрицания может быть обстоятельством состояния (в значении «становиться каким-то»), но в этой функции оно не присоединяет никаких суффиксов. Зависимым глагольного сказуемого является причастие без показателей:

31. Әй-мэта датнэ войэк-қул вăлдэх
йэх.

Әй-мэта дат=нэ войэк-қул

вăл=лэх йэх.

одно какое-то время-loc зверь рыба
убить-ptc.neg становиться-pst.3sg

‘И вот как-то раз рыбу-зверя добыть не может’ [16, 47].

32. Ъ́а́нтэ́к ɟо вулэ́х а́лад.

Ъ́а́нтэ́к ɟо ву=лэ́х а́л=а́л.

ханты мужчина видеть-
ptc.neg лежать-prs.3sg

‘Человек лежит без сознания’. [1, 292].

Подобным же образом отрицательное причастие не способно обозначать личным показателем число и лицо агенса, которое выражено существительным. Причастие в этих случаях не присоединяет никаких суффиксов, а агенс маркируется таким же показателем, как в страдательных конструкциях, а именно окончанием местного падежа:

33. А́ңкиднэ́ мо́ньһа́т мо́ньһлэ́х, һэ́врэм
э́нтэ вэ́йэ́мтэ́ди.

А́ңки=л=нэ́ мо́ньһ=а́т мо́ньһ=лэ́х,

һэ́врэм э́нтэ

мать-3sg-loc сказка-ins

рассказывать-ptc.neg ребёнок
neg

вэ́йэ́мтэ́=л=и.

заснуть-prs-pass.3sg

‘Пока мама не расскажет сказку, ребёнок не засыпает’.

5. Маркирование агенса инфинитива и деепричастия

Как было сказано выше (0.1.), к инфинитиву и деепричастию показатели лица присоединяться не могут. Именно поэтому данные инфинитные формы употребляются лишь в предложениях, в которых подлежащее совпадает с агенсом инфинитивной конструкции.

34. Тэм ɟа́тэд ма вар лэ́о́ньһа́ йа́ңɟэм.

Тэм ɟа́тэд ма вар лэ́о́н=па́ йа́ңɟ=эм.

этот день я запор проверить-inf сходить-pst.1sg

Сегодня я сходил проверить запоры. [3, 60].

35. Лү́к кáв чү́к а́ныйэ́мин сө́читалнэ́,
эй латнэ́ сáсэ́х ы́лпинэ́ һáвмэл, кáв
лэ́ңэ́тмин.

Лү́к кáв чү́к а́ныйэ́=мин

сө́чи=т=а́л=нэ́

глухарь камень крошка собирать-cvb
шагать-ptc.prs-3sg-loc

эй лат=нэ́ сáсэ́х ы́лпинэ́ һáвмэл,
кáв лэ́ңэ́т=мин.

один время-loc слопец под говорить-
pst.3sg камень считать-cvb

‘Глухарь, мелкие камешки собирая, расхаживает, однажды под слопцом разговаривает, камешки считая’ [20, 139].

Однако в настоящее время появляются инфинитивы и деепричастия, агенс которых не совпадает с подлежащим и маркирован окончанием местного падежа. Как мы видели в примере [33], суффикс местного падежа может маркировать агенс и в таких формах, которые сами по себе не способны обозначать независимый агенс. Согласование в таких случаях не требуется, инфинитив или деепричастие может остаться в исходной форме:

36. Ны́р илэ́ э́нтэ́ вэ́йи, пы́рэс и́кинэ́
һа́рэк кү́р э́нтэ́ вута́хэ́.

Ны́р илэ́ э́нтэ́ вэ́й=и, пы́рэс и́ки=нэ́

кисы прочь neg снять-pst.pass.3sg

старый мужчина-loc

һа́рэк кү́р э́нтэ́ ву=та́хэ́.

голая нога neg видеть-inf

‘Кисы снимать нельзя, чтобы старик голые ноги не видел’ [16, 71].

37. Воспитательница́нэ́ пы́хэ́ртэ́мин,
а́ңки а́йнэ́ ы́лэ́ вэ́йа́лтэ́ди.

Воспитательница=нэ́ пы́хэ́ртэ́=мин,

а́ңки а́йнэ́ ы́лэ́

воспитательница-loc помогать-cvb

мать девочка вниз

вэ́йа́лтэ́=л=и.

усыплять-prs-pass.3sg

‘Мама усыпляет девочку с помощью воспитательницы’.

Это явление настолько ново, что ещё трудно прогнозировать, получит ли оно более широкое распространение и повлияет ли на структуру языка на более глубоком уровне. Данный вопрос требует дальнейшего продолжительного изучения.

Список условных сокращений

1 1-е лицо

2 2-е лицо

3 3-е лицо

arg общенаправительный падеж	neg.pred отрицательное слово в функции сказуемого
com совместный падеж	pass страдательный залог
cvb деепричастие	pl множественное число
dim уменьшительный суффикс	prs настоящее время
du двойственное число	pst прошедшее время
inf инфинитив	ptc.prs причастие настоящего времени
ins творительный падеж	ptc.pst причастие прошедшего времени
lat направительный падеж	ptc.neg причастие отрицания
loc местный падеж	sg единственное число
neg отрицательное слово	

Литература

1. Karjalainen K. F., Vértés E. Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 128. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1964. 341 с.
2. Csepregi M. Szurguti osztják chrestomathia. *Studia uralo-altaica, Supplementum* 6. Szeged: József Attila Tudományegyetem, 1998. 183 с.
3. Abondolo D. Khanty // Abondolo D. (ed.): *The Uralic Languages*. London – New York: Routledge, 1998. С. 358-386.
4. Хонти Л. Хантыйский язык // Ярцева В. Н. (ред.) *Языки мира: Уральские языки*. М. 1993. С. 300-319.
5. Кошкарёва Н. Б. Полипредикативные конструкции с инфинитными формами глагола в казымском и сургутском диалектах хантыйского и ненецком языках // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars V. Dissertationes sectionum: Linguistica II*. Tartu. 2001. С. 121-133.
6. Haspelmath M. Passive Participles across Languages // Fox B., Paul J. Hopper P. J. (eds): *Voice: Form and Function*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1994. С. 152-177.
7. Csepregi M. Participiális jelzős szerkezetek két hanti nyelvjárásban // *Nyelvtudományi Közlemények*. – 2012. – (108). С. 61-94.
8. Скрибник Е.К., Ковган Е.В. Притяжательные аффиксы в определительных конструкциях (на материале бурятского и хантыйского языков) // *Языки народов севера Сибири*. / Под. ред. М. И. Черемисиной. Новосибирск: Сибирское отделение Академии Наук СССР, 1986. С. 39-50.
9. Honti L. *Chrestomathia Ostiatica*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1984. 285 с.
10. Ackerman F., Nikolaeva I. Identity in Form, Difference in Function: The Person/Number Paradigm in W. Armenian and N.Ostyak // *Proceedings of the LFG97 Conference*. CSLI Publications, 1997. [электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <http://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/2/lfg97ackerman.pdf> (дата обращения: 28.09.15).
11. Nikolaeva I. *Ostyak. Languages of the World/Materials* 305. München – Newcastle: Lincom Europa, 1999. 106 с.
12. Kubínyi K. *Agenttipartisiipin lajit uralilaisissa kielissä* (рукопись). 2012.
13. Скрибник Е. К., Ковган Е. В. О системе причастных определительных конструкций в обско-угорских языках. // *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VII/3C*. Debrecen, 1990. С. 296-301.
14. Скрибник Е.К., Ковган Е.В. Система причастных определительных конструкций в обско-угорских языках // *Языки народов Сибири. Грамматические исследования. Сборник научных трудов* / под. ред. Е. И. Убрятовой, М. И. Черемисиной. Новосибирск: Наука, 1991. С. 84-107.
15. Айпин Е.Д. *Клюквинка*. Санкт-Петербург: Просвещение, 2002. 63 с.
16. Кошкарёва Н.Б., Песикова А.С. Варэу йăвэн неврем моньчэт. *Детские сказки варьёганских ханты*. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. 108 с.
17. Paasonen H., Vértés E.H. *Surgutostjakische Textsammlungen am Jugan*. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne* 240. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2001. 111 с.
18. Gugán K. *Aspektus és akciómínőség a hantiban (szurguti nyelvjárás)*. PhD értekezés. Szeged. 2013. (рукопись)

19. Кошкарёва Н.Б. Образцы текстов на сургутском диалекте хантыйского языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 13. Экспедиционные материалы. / под. ред. Н.Б. Кошкарёвой, Н.Н. Широбоковой. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 2004. С. 104-148.

20. Песикова А.С., Волкова А.Н. Димэни йёвтэм монтьэт, ясээт. Сказки, рассказы с реки Лямы. Фольклорный сборник на языке сургутских ханты. Ханты-Мансийск: ЮГрафика, 2013. 328 с.

References

1. Karjalainen K. F., Vértes E. Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 128. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1964. 341 s.

2. Csepregi M. Szurguti osztják chrestomathia. Studia uralo-altaica, Supplementum 6. Szeged: József Attila Tudományegyetem, 1998. 183 s.

3. Abondolo D. Khanty // Abondolo D. (ed.): The Uralic Languages. London – New York: Routledge, 1998. S. 358-386.

4. Honti L. Hantyskij jazyk. // Jazyki mira: Ural'skie jazyki. / pod. red. V. N. Jarcevoj. M. 1993. S. 300-319

5. Koshkarjova N. B. Polipredikativnye konstrukcii s infinitivnymi formami glagola v kazymskom i surgutskom dialektah hantyskogo i neneckom jazykah. // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars V. Dissertationes sectionum: Linguistica II. Tartu. 2001. S. 121-133.

6. Haspelmath M. Passive Participles across Languages. // Fox B., Paul J. Hopper P. J. (eds): Voice: Form and Function. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1994. S. 152-177.

7. Csepregi M. Participiális jelzős szerkezetek két hanti nyelvjárásban. // Nyelvtudományi Közlemények – 2012. – (108). – S. 61-94.

8. Skribnik E.K., Kovgan E.V. Pritjazhatel'nye affiksy v opredelitel'nyh konstrukcijah (na materiale burjatskogo i hantyskogo jazykov) // Jazyki narodov severa Sibiri /Pod. red. M.I. Cheremisinoj. Novosibirsk: Sibirskoe otdelenie Akademii Nauk SSSR, 1986. S. 39-50.

9. Honti L. Chrestomathia Ostiacica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1984. 285 s.

10. Ackerman F., Nikolaeva I. Identity in Form, Difference in Function: The Person/Number Paradigm in W. Armenian and N.Ostyak. // Proceedings of the LFG97 Conference. CSLI Publications, 1997. [elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: URL: <http://web.stanford.edu/group/cslipublications/cslipublications/LFG/2/lfg97ackerman.pdf> (28. 09. 2015).

11. Nikolaeva I. Ostyak. Languages of the World/Materials 305. München – Newcastle: Lincom Europa, 1999. 106 s.

12. Kubinyi K. Agenttipartisiipin lajit uralilaisissa kielissä (manuscript) 2012.

13. Skribnik E.K., Kovgan E.V. O sisteme prichastnyh opredelitel'nyh konstrukcij v obsko-ugorskih jazykah. // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VII/3C. Debrecen 1990. S. 296-301.

14. Skribnik E.K., Kovgan E.V. Sistema prichastnyh opredelitel'nyh konstrukcij v obsko-ugorskih jazykah. // Jazyki narodov Sibiri. Grammaticheskie issledovanija. Sbornik nauchnyh trudov / pod. red. E. I. Ubrjatovoj, M. I. Cheremisinoj. Novosibirsk: Nauka, 1991. S. 84-107.

15. Ajpin E.D. Kljukvinka. Sankt-Peterburg: Prosveshhenie, 2002. 63 s.

16. Koshkarjova N.B., Pesikova A.S. Detskie skazki var#joganskih hanty. Hanty-Mansijsk: Poligrafist, 2006. 108 s.

17. Paasonen H., Vértes E.H. Surgutostjakische Textsammlungen am Jugan. Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 240. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2001. 111 s.

18. Gugán K. Aspektus és akcióminőség a hantiban (szurguti nyelvjárás). PhD értekezés. Szeged. 2013. (manuscript)

19. Koshkarjova N.B. Obrazcy tekstov na surgutskom dialekte hantyskogo jazyka. // Jazyki korennyh narodov Sibiri. Vyp. 13. / pod. red. N.B. Koshkarjovoj, N.N. Shirobokovoj. Novosibirsk: Sibirskoe otdelenie RAN, 2004. S. 104-148.

20. Pesikova A.S., Volkova A.N. Skazki, rasskazy s reki Ljamy. Fol'klornyj sbornik na jazyke surgutskih hanty. Hanty-Mansijsk: Jugrafika, 2013. 328 s.